

Лушниковая Надежда

ПРАВДА
г. Москва

16 июля 1983 года

Надежда, сестра Марии

МИР СОВРЕМЕННОГО

Есть в казахском языке слова, пришедшие из глубины веков. В их числе — «акын» и «айтыс». Оба чаще всего употребляются рядом, между ними органическая связь. «Акын» — народный певец-импровизатор, «айтыс» — состязание поэтов-сказителей.

Конечно, по сравнению с древним современным айтысом обрел новые черты. Ну, к примеру, такие. На сценах, украшенных в национальном стиле, участники выступают уже перед микрофонами. Каждый должен исполнить свои куплеты в строго отведенный отрезок времени. Неизменной особенностью айтыса остается остроумная стихотворная импровизация по ходу песенного диалога.

На одном из недавних республиканских айтысов второе место было присуждено... русской женщине Надежде Лушниковой. Она опередила десятки признанных литературных импровизаторов.

Я стал свидетелем соперничества Н. Лушниковой с акыном из Кызыл-Ординской области Мананом Кукуновым. Состязание оказалось увлекательным и веселым. Тон задавала Надежда. Она исполнила куплеты о том, что у кзылординцев непомерно затянулись некоторые стройки. На иных объектах культуры птицы вывели не одно потомство птенцов... Соперник отшутился: мол, лично он к этому не причастен, но готов приехать и поработать на строительстве, если у руководителей строек не хватает своих сил. И дальше в таком же ключе — «с перчиком» да с юмором.

А потом пришло время, когда Надежду пригласили на злополучную стройку в день ее завершения. И это стало лучшим эпизодом айтыса.

Готовясь к соревнованию, Лушниковая заранее сочинила около двухсот куплетов, но использовать удалось лишь не-

сколько десятков, остальное родилось в процессе поэтической полемики.

Лушниковой довелось участвовать уже почти в двадцати айтысах различного уровня — и в каждом занимала не ниже второго места. С успехом выступала она не только в Казахстане, но и в числе артистов и писателей республики — в Оренбурге, Орске, Новотроицке и других городах Российской Федерации. Необычно видеть ее на сцене. Представьте русоволосую женщину-славянку, одетую в яркую казахскую одежду, виртуозно играющую на домбре и распеваящую казахские куплеты.

Давно хотелось рассказать о ней. Случилось так, что почти двадцать лет назад волей обстоятельств я оказался среди приглашенных на ее свадьбу. Дело было в Кызыл-Орде. Надежда выходила замуж за друга своего детства Турлыбека Нурбекова: тот приехал к ней после службы на флоте.

Тогда девушка работала в областной казахской газете. Изредка печатала на ее страницах свои стихи, написанные, конечно же, по-казахски. Здесь же, в Кызыл-Орде, окончила педагогическое училище и некоторое время была учительницей в начальных классах казахской школы.

Принимая в день свадьбы яркие цветы, вспомнила она те, другие — скромные полевые цветы, которые собирала близ неумолчной речки своего

детства — Чемолганки. Босоногая девочка, степное приволье, протяжные напевы чабанов... Все это оживало вновь. Дочь степей — русская по крови, она полюбила эту землю, наполненную звенящим шелестом ковылей, и позднее сама стала слагать песни на казахском языке, ставшем для нее родным.

В аулах, лежащих недалеко друг от друга, прошло их детство — ее и Турлыбека. Встретились они в селе Каскелен, где учились и жили в одной школе-интернате. Здесь, на земле прославленного акына Джамбула Джабаева, подружались.

А когда поженились, то первым желанием стало вернуться туда, где родились и выросли. На земле детства радовали зеленые долины с округлыми холмами, темнеющая гряда предгорий, за которыми таинственно мерцали вечно заснеженные вершины Зайлийского Алатау, была радостна сердцу даже поэмка вежного пуха, слетавшего с тополеи...

Сейчас супруги живут в селе Узун-Агач под Алма-Атой. Турлыбек работает председателем районного объединения «Сельхозхимия». Надежда преподает литературу, казахский и русский языки в местном профтехучилище. Высшее образование она получила в пору семейной жизни. Турлыбек окончил сельскохозяйственный институт, а Надежда, став уже матерью, — педагогический.

Конечно, суть этого рассказа не в том, что русская девушка избрала себе спутником жизни казахского парня. Теперь этим вряд ли кого удивишь. Дело в другом. Благополучно сложившаяся жизнь Надежды и Турлыбека напомнила мне иную историю.

...Началась эта история в предреволюционные годы в далекой Кургальджинской степи. Мария, дочь переселенца-кузнеца Егора Рекина, выросшая среди казахов, влюбилась в джигита Думана, которого она ласково называла Дударом (Кудрявый). Оба не помышляли о жизни друг без друга. Однако их помыслы натолкнулись на неприступную стену предразсудков, не позволивших русской девушке стать женой казаха. Тогда молодые люди, презрев суровые законы шариата, тайком исчезли из аула. Прятались вдали от людей, жили в трудностях и лишениях. А когда Думан умер, потрясенная горем девушка сложила на казахском языке (которым, кстати, владела столь же свободно, как и родным) песню на собственный мотив. Ее печальная и возвышенная мелодия, исполняемая и по сей день, не может не тронуть сердце. В песне, названной по имени любимого «Дударай», лейтмотивом звучат простые, но пронзительные по силе чувств слова: «Ради тебя я пришла в этот мир, мой Дудар...»

И вот что удивительно: в начале 30-х годов в Алма-Ате среди участников первого слета мастеров казахского народного искусства была и Мария Егоровна Рекина, которую ее земляки с почтением называли Марьям-апай. Здесь с ней познакомился композитор Е. Брусиловский. Рассказ женщины произвел на музыканта неизгладимое впечатление. Созданная им вскоре опера «Дударай» стала символом нетленной дружбы русского и казахского народов.

В начале 50-х годов поэт Халижав Бекхожин создал поэму «Мария, дочь Егора» — о простой и замечательной русской женщине, о ее трудной и необыкновенной судьбе.

Однажды довелось мне услышать: Лушниковая — духовная сестра Рекиной. Надежда продолжила традиции древнего искусства — певцов-импровизаторов, как бы внаследовав эстафету природной одаренности и мастерства, издавна присущих талантливым людям из народа.

Правда, о своих поэтических возможностях сама Надежда отзывается с присущей ей скромностью. «В поэзии — я холмик, не вершина, но, Родина моя, ты стань в стихах моих роднее сына...» Любовь к Родине остается главной темой ее стихов. Первый поэтический сборник Лушниковой так и называется «Елим менин» («Родина моя»).

А вот размышления о жизни и друзьях, об истоках чувств: «Есть друзья — их улыбки светлы неспроста: берегами

не стиснута их доброта. Есть и те, что от маленькой просьбы моей превратиться готовы в иссохший ручей. Только есть и такие друзья у меня: сами спешатся, мне отдавая коня...»

В этой женщине-художнике жива жажда образного слова, часами готова слушать Надежда аксакалов, восторгаясь мудростью и образностью народной речи. Рассказывает, например: однажды на свой вопрос: «Как дела, отец?» — услышала такой ответ: «Какие могут быть дела, если побаливают даже те места, которые когда-то ушипнула любимая девушка...» И заразительно смеется: где такое почерпнешь? Только в народе.

Но особенно популярна Лушниковая как акын. Где же она впервые восприняла редкое искусство певца-импровизатора, где приобщилась к языку, к истокам народного искусства? Дело было так. Отец Нади погиб на фронте, мать много работала, и потому-то маленькая девочка жила на попечении стариков — родителей отца. Когда пришло время, они отвели внучку в поселковую начальную школу. Оказалось, что занятия в ней велись только на казахском языке. Позднее, когда надо было идти в пятый класс, девочка сама избрала казахскую школу...

В семье Надежды и Турлыбека растут четверо детей. Старшую зовут поэтическим именем Куралай, что в переводе значит «ланы». Куралай

учится в Алма-Атинском политехникуме на зерновом отделении, будет технологом по элеваторам. Как и мама, она училась в казахской школе, иногда печатает стихи на казахском языке в районной газете. Другая дочь — Карлыгаш («ласточка») собирается после десятилетки поступать на актерский факультет театрально-художественного института. У младшей, Ляйли, еще не пройдено половины школьной дистанции, однако грядущие планы тоже связаны с искусством: думает учиться в хореографическом училище. Лишь у самого маленького баловня, пятилетнего Жанибека, пока не определилось никакого призвания.

В село Узун-Агач, где живет семья, приезжают люди со всех концов страны, из-за рубежа. Ведь здесь находится аул, где жил и творил Джамбул Джабаев. Внук великого акына Алимкул Джамбулов о Надежде Лушниковой говорит так: «Для нее не существует тайв в познании самых тонких казахских обычаев. Редко удается найти слова, которыми можно ее одолеть на состязаниях».

Вот и сейчас Надежда протянула руку к домбре, чтобы в тихом наигрыше нащупать ритм зародившейся строки. Она — акын. Для нее это не профессия, скорее — призвание. Народной песне она отдает душу.

Г. КАСЕНОВ.
(Корр. «Правды»).

г. Алма-Ата.